

Виталий Коротич

О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ, ПЕРЕСТРОЙКЕ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СССР

(из беседы с югославским публицистом
Михайло Михайловым)

Об инаугурации президента Буша

Это было удивительно, и прежде всего самой атмосферой, атмосферой праздника. И внезапно я еще ощутил какую-то интересную примету этого, неожиданную совершенно для меня. Вдруг я увидел, что меняют человека, которого народ любит. При виде Рейгана, появившегося на трибуне в последний раз как президента, все встали, все его приветствовали. Это была дань уважения, и в то же время с ним прощались. Прощались с человеком, обладающим популярностью в стране, но вынужденным подчиниться закону. Прошло восемь лет, два срока, и хоть ты будь семи пядей во лбу, будь добр, уходи. И вдруг я подумал о том, что я никогда в жизни не видел ни разу нормальной смены власти. И мои родители тоже не видели. Потому что Ленин умер, Сталин умер, Хрущев был свергнут, все остальные тоже умерли, и вот пришел сейчас к нам нормальный руководитель, который сам провел закон, что через десять лет руководителя нужно менять. Какое-то время из этих десяти лет он уже проработал, и я с ужасом подумал, насколько важно сейчас для Горбачева создать атмосферу, в которой на смену ему будет избран демократически продолжающий его дело человек. Потому что демократия жестокая штука. Когда я смотрел на Буша

и особенно на Куэйла, и вспоминал (я видел по телевидению дискуссию между Бентсеном и Куэйлом — когда нынешний вице-президент был, скажем прямо, повержен), через какие унижения и испытания проходит человек на пути к власти... И вот тут я подумал о народе, который избирает себе человека в руководители. Потом все эти люди будут разными... Вокруг меня сидели женщины в норковых манти, и сидели какие-то люди в нейлоновых куртках, самые разные люди, но в этот момент они были объединены. Каждый из них ждал от президента чего-то своего. Одни ждали, что он с налогами не будет очень прижимать хорошо зарабатывающих; другие ожидали, что он больше сделает для обеспечения порядка; третьи ждали, что он будет помогать неимущим. И все люди эти избрали его. Они голосовали, и они получили его. И вот какое-то объединение этим человеком тоже было необычным ощущением. Я мечтаю о том времени, когда в страшных борениях народ у меня в стране наконец-то изберет себе то ли депутата, то ли руководителя, то ли кого-то еще, и будет с него спрашивать. Потому что я совершенно не пророчу Бушу легкой жизни. Я думаю, его будут выворачивать избиратели, требовать, его будут терзать Конгресс и Сенат, но он пошел на это. И поэтому меня еще поразило в его инаугурационной речи чисто домашняя интонация. Он говорил о том, что надо хранить семью, о том, что надо хранить какие-то повседневные ценности, и в числе этих ценностей вдруг он упомянул Советский Союз, который стал для него неким фактором повседневной жизни. И мне это тоже было важно, потому что все-таки, как бы там ни было, мы все nonetheless становимся человечеством. И поэтому, слушая Буша, я подумал, что такую речь, которую он сказал на инаугурации, в окружении людей в смокингах, сидевших вокруг него, такую речь он мог бы произнести за столом, завершая ее тостом. Это была обычная человеческая речь, без становления на цыпочки и без грозения кулаком в любую сторону. Ну что же, мне очень хочется верить, что это было признаком времени. Мы становимся людьми все более, и очень хочется верить, что такие речи станут обычными для политических руководителей всего мира. Я был рад присутствовать, и я был рад написать об этом для „Чикаго трибюн“. Свою статью в „Чикаго трибюн“ я начал такой нара-

доксальной мыслью: я сказал, что мне звонили из Москвы поздним вашингтонским вечером, и в Москве был уже следующий день. И я спросил у них: „Как там завтра, нет войны?“ Мне ответили: „Завтра войны нет“. И я сказал, я обязательно скажу американцам, что завтра войны нет. Я был рад, что можно так просто узнать о том, как складывается будущее. Позвонить в Москву и спросить: „Как там завтра? Порядок на свете?“. Хорошо бы, мне очень хочется, чтобы мы дожили до такой ситуации, когда народы мира будут верить друг другу и будут в какой-то степени гарантировать спокойную жизнь друг друга. Из нас медленно выходит вражда. Я не могу сказать, что американцы сплошь влюблены в нас, но, увидев инаугурацию, я понял, что дух доброты и желания к добрососедскому сотрудничеству превалирует в каждом из них, включая президента.

О демократизации и политических партиях

Я уже несколько раз отвечал на поставленные мне на пресс-конференциях здесь вопросы относительно того, сколько в Советском Союзе нужно партий. Достаточно ли нам одной? Мне говорили, вам определенно нужны еще партии. Я на это отвечал, что нам определенно нужны мнения. Нужен плюрализм мнений. В какую организационную форму образуется этот плюрализм, время покажет. Но нам надо дожить, чтобы люди могли говорить, что они думают, и не бояться, что их за это посадят. Нам необходимо дожить до того, чтобы люди могли спокойно высказывать свою точку зрения, и при этом быть ответственными перед конституцией и Уголовным кодексом. Они не имеют права, допустим, пропагандировать порнографию, пропагандировать войну и пропагандировать расизм, ненависть между народами. Все остальное можно — остальное можно обсуждать, спорить, и вот этого я бы хотел. Поэтому мне вот нравится в американцах некоторая театральность американской демократии. В ходе выборов создается впечатление, что если бы претендентов оставить в одной комнате, то они бы друг друга задушили. Это продолжается до дня выборов. И после дня выборов проигравший поздравляет победившего, он говорит, что, конечно же, он будет

рад помогать ему в том, в чем американский народ оказал доверие победителю, и ни в коем случае не уходит в бункер, не выставляет пулеметы и не говорит, что ты мне попадешься... Он принимает волю народа. Это очень большой и важный урок демократии. Умение подчиниться воле народа. Не воле начальника, который топнул ногой и сказал — делай вот так. А воле народа, который отдал предпочтение тому или другому. Это не унижение. Я думаю, это очень важно понять сейчас у нас в стране, потому что, если мы хотим иметь многомандатные выборы, выборы, где будет много кандидатов, у нас появится какое-то количество людей, на выборах не прошедших. Нам уже изначально надо убедить себя в том, что эти люди такие же хорошие, как те, кто победил, поскольку и те и другие спорили во имя блага народа и страны. Кому-то сейчас поверили больше. Нет никакого основания считать, что те, кто сегодня проиграл, завтра не будут наверху. Важно только, чтобы решающей была воля народа. И вот тогда все будет в порядке.

Важно, чтобы вариант государственного переворота и установления чьей-то власти в результате насилия не стал бы обычным событием. Невозможно, чтобы люди просыпались и им говорили: „Здрасьте, у вас уже нет Хрущева, у вас Брежнев“. И чтобы все говорили: „А, Брежнев, ну, слава Богу“. В этом есть колоссальное недоверие, я бы даже сказал, пренебрежение к власти. И власть должна бояться того, что когда она объявляет: „Здрасьте, у нас сегодня уже Брежнев“, а все говорят: „Ура!“, это должно означать только одно, что серьезно эту власть не воспринимают, если с такой легкостью все принимают назначение кого угодно и смену кого угодно. Необходим трудный процесс доказательств твоей правомочности руководить и оснований к этому, и твоего желания посвятить силу и здоровье этому. Вот давайте представим себе, сколько за последние годы прошел Рейган — и операция по поводу рака, и унижения, и обсуждение того, консультируется ли он у астрологов, и вообще, что он ест на обед и сколько стоит его вертолет, то я подумал, что вот эта демонстрация любви к нему — это удивительное дело. Мы тебя контролируем, мы знаем, что ты ешь и почему твоей жены туфли, но в общем, ты хороший мужик. И вот когда они его сегодня провожали, в этом была какая-то такая

удивительная трогательность — прохождение человека, которого вся нация видит насквозь и знает насквозь. Про которого знают, какой у него ранч в Калифорнии, куда он летит. И в то же самое время он оставался для них руководителем, ощущение дистанции было все время. Так когда-то делали на Запорожской сечи. Когда там избирали в Запорожье гетмана, то после этого избравшие его, клали ему на голову лепешки лошадиного и коровьего кизяка. Они как бы говорили: „Вот смотри, мы тебя избрали, но если надо, мы тебя в топчем в это дело обратно“.

Наверное, если каждый руководитель будет ощущать, что вернуть его в прежнее состояние может только народ, он будет править куда увереннее, чем если он будет бояться, что его временные коллеги могут взять его и свергнуть, а народ будет как в „Борнсе Годунове“ безмолвствовать. Все это хорошо, потому что американский народ не безмолвствующий народ, и это важно.

Все вопросы, которые со стороны кажутся сложнейшими, если они решаются как народная воля, на здоровье. Вот вчера на пресс-конференции в Кеннановском институте ко мне бросились и начали говорить, почему вы помогаете таким и таким странам? Почему вы посылаете деньги в такие-то и такие-то страны? И вы знаете, вот сейчас мы выберем Верховный Совет по многомандатной системе. И эти кандидаты, действительно избранные народом, как хочется верить, получают проект, что надо помогать таким-то странам. В открытую — с названием сумм, с названием стран. Они посидят, поговорят, проголосуют, и тогда это действительно будет волей народа...

Перестройка и номенклатура

В интересах самой номенклатуры, чтобы она не омертвела изнутри. Если она посвятит основные силы защите себя от притока новых сил, она просто вымрет, как мамонты, как какое-то племя, которое существует в гималайской котловине и вымирает, если туда не вливается новая кровь. Это ужасно. Это трагедия, которую в свое время переживала британская аристократия и в какой-то степени даже русская. Когда русские дворяне

там заводили детей с крепостными для освежения породы... Поэтому мы сейчас пришли к мысли о необходимости так называемого политического класса. О необходимости просто профессиональных политиков, о необходимости политиков которые связывают свою жизнь с этим понятием, которые будут сами выдвигать себя в депутаты, готовясь к политической службе, потому что политик должен обладать огромным количеством юридических и других специальных знаний, и отвечать за свои поступки.

Однако номенклатура и политический класс — это разные вещи. Нам необходимо об этом помнить. Наличие политического класса не снижает демократизм руководства, но просто выводит его на тот самый новый уровень, за который, по-моему, и борется Горбачев в процессе перестройки. За то, чтобы с народом, с волей народа было связано то, что называется руководством народа. Потому что Сталин все это делал очень сурово и, пальчиком грозя, назначал, кого он хотел. Он привел злого карлика Ежова, стучал на него, и злой Ежов уничтожал полстраны, и в итоге оказывалось, что никто не виноват, потому что никто не его не утверждал как министра, он ни перед кем не был подотчетен и спросить не с кого.

Может ли каждая кухарка управлять государством?

Конечно, можно доверить кухаркам управлять государством, и ничего страшного. Но при этом нужно помнить о том, что кто-то в стране должен варить суп. Нельзя в общем все ставить на крыловскую басню о том, что пироги начинает печь сапожник, а сапоги точат пирожник. Ничего хорошего. Кухарка, достаточно образованная, почему нет? Но нельзя возводить в принцип, что государством непременно должны управлять кухарки. И то, что Сталин был сыном сапожника, ни в коей степени не делает его потуги на управление государством качеством выше. Он просто был малообразованным, но тем не менее он в чем-то разбирался, что мы ощутили на своей дальнейшей жизни. Сегодня время, когда нам необходим плюрализм мнений. Ни в коем случае нам не надо устранять из обсуждения вопросы

своей жизни и своего движения вперед. Иначе мы захлебнемся, иначе мы будем действовать наощупь — физики шутя называют это методом „втыка“. Вот эти два проводка воткнут, вот эти два... Или взорвется, или начнет работать. Вот так работать нельзя.

О марксизме

Пронсходит обсуждение даже основ христианства в таких догматических ведомствах как церковные. То, что марксизм, пользуясь заученной нами в детстве формулой, не догма, а руководство к действию, должно быть учитываемо постоянно. И сегодня, очевидно, нужно говорить о том, что марксистское учение в новых условиях должно бесспорно претерпевать многие изменения. И если мы говорим, что и китайцы с полным основанием считают себя марксистами, и югославы, и венгры, и советские, и поляки, и румыны, и все это марксисты, то мы должны отдавать дань Марксу, Энгельсу, людям, которые более 140 лет назад сформулировали основы движения. Но они ужаснулись бы от того, что среди нас есть люди, считающие, что за истекшие 140 лет ничего в общественной мысли не изменилось. Бесспорно, Маркс был великим философом и очень интересным мыслителем, сделавшим попытку реформировать жизнь человечества. И в то же время, не дай нам Бог считать, что со времен Маркса ничего не изменялось и что нам надо держаться взглядов Маркса, как единственно возможных, даже в подробностях. Я совершенно убежден, что Маркс не мог себе представить современного развития промышленности, рабочего класса. Недавно в горячей дискуссии я сформулировал, возможно, не совсем точную мысль, но в ней что-то было. Дело в том, что я недавно был в Копенгагене, и там, разговаривая с местными журналистами, которые восхищались своей благополучной жизнью, я им сказал, что во многом эта их жизнь благополучна потому, что у нас в 1917 г. была революция. Отношения между рабочими и работодателями, ситуация в стране и в парламенте в огромной степени оказались под влиянием случившегося в Петрограде в 1917 г. Может быть, одна из немногих стран Евро-

пы, не воспользовавшаяся в полной мере результатами этой революции, — мы. Я не хочу все сваливать на Сталина. Сталин в определенной степени был тоже продуктом времени и тоже рожденном эпохи, и сваливать все на Сталина — это в огромной степени унижать народ. Народ попал в определенную историческую ситуацию. Все это было. И вот я сейчас думаю о том, что, конечно, Маркс — прекрасный, великий философ, но мы сегодня говорим о том, что и Маркс, и Ленин, и Энгельс, и другие философы-марксисты — они выдвигали тезисы в определенной исторической обстановке. И даже Ленин, я убежден, с трудом мог бы себе представить то, что натворил Сталин в стране после революции, Лениным возглавленной. То, что произошло у нас, например, в деревне, было настолько чудовищно, что сейчас, по моему, это стало главной проблемой советских реформ. Потому что то, что произошло в советской деревне, кормившей, поставившей человеческий материал для индустриализирующейся страны и т. д., и в итоге захлебнувшейся от своих бесплодных усилий, и сегодня с трудом, я даже не могу сказать что возрождаемой, а лишь толкаемой к возрождению, и с трудом, еще не поднимающейся на ноги, а ощущающей, что у нее есть ноги, на которые можно встать, это чудовищно. И ни один теоретик марксизма этого представить не мог. Толкование многих догм марксизма тоже было, я вам скажу, таковым, как требовала этого сталинская необразованная, очень примитивизированная философия. Если мы сейчас вспомним о марксизме, то надо, очевидно, вспомнить и то, что у Ленина действительно было одно из самых образованных правительств мира того времени, где были Троцкий и Бухарин, Зиновьев и Рыков, и т. д. — люди, в общем, далеко не близкие друг другу не только в человеческом плане, но и в философском, по-разному смотрящих на многие вопросы, но объединенных какой-то кардинальной, главной идеей своей жизни. Эти люди враждовали, спорили, но, тем не менее, реализовали в общем-то одну идею — и это было очень важно. Очевидно, в таком сочетании, если бы оно дальше развивалось, это бы дало очень сильный толчок и теории. Очевидно, марксистская теория в России могла развиваться, но уже в 1922 г. из России вышвыриваются сначала философы-идеалисты (Богданов, Бердяев и др.), ректоры Петроградского и Московского универ-

ситетов — 140 философов, а затем философы идут просто туда, куда шли в то время многие. И вот это вышибание мозгов из страны, вот это превращение самого интеллигентского правительства в самый административный аппарат, это было чудовищно. Было чудовищно, когда на место образованнейших ученых, которые даже руководили армией — Уборевича сравнивали с Клаузевицем, а Тухачевский и Егоров были специалистами действительно европейского класса — пришли замечательно верные идеи, но примитивные и верные рубаки, вроде Буденного и Ворошилова, и Тимошенко, люди, кровью других людей расплачивавшиеся за свою некомпетентность в начале войны. Вот, собственно, к этому мы и приходим. Марксистская теория захлебнулась в сталинской чистке. Кроме того, ленинский призыв в партию, когда тончайшая прослойка интеллигентов, бывшая в ленинской партии, служившая ее мотором во многом, начала растворяться в потоке людей честных, хороших, наверное, но некомпетентных во многом и примитивизировавших учение. И вот ненависть, которая у Сталина была возведена едва ли не в главное достоинство марксизма, классовая борьба, которая подразумевала, что человек становится таким социумом — и норвежский, йеменский там, и французский пролетарий одинаково близки друг к другу, вот они сомкнутся, вот они всех разгромят. Оказалось, все не так просто, и сегодня советское правительство, сегодня Горбачев платят не по своим счетам. Сегодня нелепо валить на перестройку все те несчастья, которые ощутимы в СССР. Сегодня идет расплата по счетам и сталинским, и хрущевским, и брежневским. Поэтому очень важно, чтобы сегодня в свободном мышлении развивалась марксистская теория. Тогда мы поймем, что это такое.

Недавно я разговаривал с датским премьером — Шлютером. Он консервативный политик. И я говорю, какая ваша задача в вашей стране. И он говорит, знаете, конечно, капитализм — это страшный тигр, но я хотел бы у этого тигра вырвать зубы и воспользоваться его мускулами. Такая формула возникает у консервативнейшего буржуазного политика. Такая формула не могла возникнуть без социалистического влияния. То есть, очевидно, марксизм может оказать нам значительную помощь, если мы его воспримем как учение, достойное разви-

тия. А если оно будет так, как некие догматы, и мы будем сидеть, как католические монахи в средневековье, и спорить о том, сколько дьяволов может на кончике иглы поместиться, это будет все бессмысленно. Надо воспринять марксизм как живое учение, подлежащее обсуждению, подлежащее дискуссии и даже критике и тогда, очевидно, мы будем его достойны.

О резолюции X съезда РКП (б) о единстве партии*

Все надо соразмерять со временем. Это был 1921 г. Я представляю себе Гражданскую войну и фракции, которые то устраивают попытки переворота, то взрывают бомбы, то левые эсеры со Спиридоновой ставят все на край перед этим, то анархисты кого-то там хотят убить, то еще что-то. То есть в этой связи я могу понять решение, вписав его во время. Но когда дискуссии внутри партии, и даже не внутри партии, а внутри философии, оказываются запрещенными уже после съезда, который сам Сталин назвал съездом победителей, уже когда в победившем стане запрещается спорить о путях развития дальнейшего, это ужасно, это уже победа, которая чревата поражением. И, собственно, вот здесь-то догма и начинает выедать изнутри теорию. Повторяю, можно вернуться к съезду, но можно понять людей, которые приходили на съезд в буквальном смысле с фронтов и которые говорили: „хватит трепаться, в нас стреляют, а вот тут внутри партии поддерживают тех, кто в нас стреляет“, это можно понять. Но когда сегодня, вот буквально сегодня, кое-кто пытается спекулировать на подобных тезисах и говорит: у нас в стране трудно, и сегодня надо заткнуть пасть всем, кто высказывает какие-то несогласные мысли. Вот здесь-то нужно понимать, что этого не надо. Вот сегодня мы должны хорошенько подумать и поспорить. Собрать философов. Собирайте, конечно, честных людей. Нельзя обсуждать марксизм и любое другое учение на уровне людей необразованных.

Нам необходима теория, тем более, что социалистическая

* В этой резолюции говорится о недопустимости какой бы то ни было фракционной деятельности. — Ред.

теория в мире сегодня развивается. Сегодня социалистическое учение находит очень многих интересных философов, и стоит посмотреть, что делают социалистические партии. По-моему, марксистское учение стоит того, чтобы стать достойным объектом дальнейшего развития.

О выборах в Верховный Совет СССР

Я представляю себе, что может получиться Верховный Совет, который не обязательно будет вставать, встречая овалом руководство. Вполне может быть, что в этом Верховном Совете будут люди, со многим несогласные. Допустим, я могу себе представить, что в Верховном Совете будет Сахаров или Ельцин, или оба сразу или еще кто-то. Но в то же самое время, именно, как это ни парадоксально, такой Верховный Совет будет в огромной степени гарантом демократии, он будет в огромной степени гарантом нормального развития страны. Это будут люди, представляющие своих избирателей, протолкавшиеся сквозь слой претендентов и победившие в этом процессе; люди, с которых избиратели смогут спрашивать, которых смогут отзывать. И эти люди, я думаю, будут для горбачевской перестройки более надежным подспорьем, чем назначенные депутаты. Тут уж вопросов нет. Демократия развивается. Я не могу сейчас прогнозировать, что будет в результате этих выборов. Но я вижу, как на глазах, политическая активность народа, политическая активность масс приобретает все более четкие формы. Я прекрасно понимаю, что, может быть, если бы это проводилось постепеннее, медленнее, было бы лучше. Но в то же самое время я понимаю, что Горбачеву необходимо сегодня избрать парламент. Я совершенно понимаю, что в нашей стране необходимо ускорить процесс переизбрания и ряда партийных органов. Я понимаю, что сегодня это крайне необходимо. И здесь, вы знаете, как это для меня, такого ужасного демократа ни звучит, я просто сейчас хочу положиться на Горбачева. У страны нет выбора. Вот эти варианты демократические Горбачев предложил, и я хочу сейчас положиться на него. Потому что, взяв на себя все это, он стоит доверия, и сегодня нет другого выхода. Как

можно за короткий исторический период перелопатить вот эту огромную массу. Видимо, сейчас не все будет идеально. Но то, что в парламент попадет какое-то количество людей действительно избранных демократическим способом, тоже факт. И эти люди будут высказываться. Часть депутатов будет назначена. Но вот когда я был здесь, происходил Пленум Союза писателей, выдвигавший от Союза писателей группу своих. Там десять человек надо было выдвинуть. Выдвинуто было, скажем, 60–80 кандидатов. Это уже интересно, кого в итоге выбрали. Это говорит и о том, каков нынче Союз писателей, и о том, какие люди будут его представлять. В итоге окажется, что Союз писателей будут представлять те, кто на данном уровне соответствуют уровню политического мышления писателей, и против этого не попрешь. То же самое с другими. И потом люди меняются в процессе работы. Трудно сказать, как поведут себя люди в парламенте, в котором будет очень мощная демократическая тенденция. Один человек, например, будет представлять Общество филателистов СССР. Там очень забавно будут представлены многие организации, которые парламентскими функциями вроде могли бы и не обладать. И тем не менее, они будут там представлены. Поэтому депутаты от филателистов, депутаты от дизайнеров, депутаты от ряда других организаций — это тоже очень интересно, как они поведут себя в этой ситуации. Я не берусь прогнозировать. Я берусь просто честно участвовать в выборах, а затем, давайте, поглядим. Остается пресса, которая будет все это комментировать...

О письме в „Правду“ с критикой в адрес „Огонька“ и об обществе „Память“

Я считаю, что любые точки зрения допустимы, если, повторю, они не противоречат Уголовному кодексу и конституции. Распутин, прекрасный писатель, писатель яркий, но его выступления в поддержку „Памяти“, его, как мне кажется, очень принципиальные и в то же время провинциальные восклицания о гибели русской культуры, несомой ей откуда-то извне, мне думается, это уровню его таланта не соответствует. Так же

точно я отношусь с огромным уважением к Василию Белову, который, может быть, в силу то ли своей образованности, то ли того уровня, на котором он воспринимает жизнь, действительно приобщен к „Памяти” и близок по взглядам к этой нублике. Это письмо подписали и такие люди как Бондарчук — один из самых благополучных советских режиссеров, действительно интересно работавший, но единодушно забаллотированный съездом кинематографистов, не избранный никуда в руководство нового Союза кинематографистов, человек, чья репутация не может быть названа безукорыненной. Или Михаил Алексеев — главный редактор журнала „Москва”, которому собрание московских писателей выразило политическое недоверие и потребовало, чтобы он ушел. То есть, если у Распутина или у Белова в этом могут быть свои убеждения, которые они отстаивают, и на здоровье, то я совершенно убежден, что у Алексеева в этом — огромное накопление злости, желание рассчитаться с теми, кто мешает ему теперь быть тем, кем он был; колоссальная обида есть в Бондарчуке, и т. д. Что я могу сказать? Я был бы рад, если бы у нас высказывались разные точки зрения, хоть не все я приму. Я никогда не приму вот таких крайне правых взглядов, я никогда не приму расистских, шовинистских взглядов, кем бы они ни высказывались, и не признаю за высказывающими их права на такое высказывание. И когда на пленуме Союза писателей РСФСР один из писателей говорил, что нам нужны резервации, или подобные вещи, я воспринимаю эти заявления как чудовищные и всегда буду выступать против того, чтобы они могли формулироваться как чья-то программа. Это — программа, находящаяся для меня за пределами существующих законов... Я убежден, такая программа в стране не пройдет, но она спровоцирует большое количество, в этой напряженной без того стране, большое количество очень сложных событий, событий, которые нам очень трудно будет пережить.

Кроме этого, я хочу сказать, что люди честные, такие, как, повторяю, тот же писатель Астафьев, люди, волею судеб впутываемые во все эти дела, вовлекаемые в них, иногда позволяющие себе нелепые заявления, как нелепой я считаю переписку Астафьева с Эйдельманом, или подобные вещи, все это не достойно

уровня настоящих талантов, и, увидим, как это будет дальше. Но мне очень не хотелось бы, чтобы к колеснице людей, находящихся на уровне провокационном, приплетались люди талантливые. Это всегда обидно. Эти люди, вот „Память” эта, она ничего не стоит. Вот когда они на митинге вырвались, орали, срывали у нас собрания, то они махали, вот, лозунгом „Коротич — новоявленный Гольдштюкер”. И я провел вот такой плебисцит. Я спросил „а кто такой Гольдштюкер?” у тех, кто был вокруг. Никто не знал, ну, никто не знал, что в 1968 г. Гольдштюкер был председателем Союза писателей Чехословакии в Праге, участвовал определенным образом в этих событиях. Значит, кто-то им помог, кто-то им это написал. Вот что меня убивает больше всего, когда люди, претендующие на то, что они представляют какую-то самостоятельную точку зрения, начинают использоваться как марионетки, когда ими манипулируют, вытаскивают на улицу, используют как мелкую разменную монету. И когда какой-то придурок прыгал передо мной, размахивая руками, и кричал „масон, масон, масон”, я просто думал о том, что, Господи, ну что он знает о масонах? И мне это все было не только забавно, но и обидно, что взрослого человека делают дураком.

Об опасном характере национализма доминирующей нации

Эта мысль бесспорна, потому что национализм большой нации играет провоцирующую роль, вызывает некие защитные что ли национализмы. Я не могу сказать, что национализмом можно защищаться против другого национализма, но здесь переплетается огромный комплекс проблем и, в частности, входят сюда проблемы экономические. Как это ни странно, но во многих советских регионах, республиках идет речь о том, что экономические сложности пытаются объяснить где-то из-за угла тем, что русские, ну, что, русские пришли, и все съели. Куда все девается? В Россию. Русские все это съедают. То есть удобнее местным руководителям признать то, что Россия-де все забирает, чем согласиться, что они сами плохо работали и не наладили производство.

В России в этом случае роль русских выполняют евреи. И вот они такие-сякие все съели. Я все это примитивизирую, но мне кажется, тезис этот не так прост, и он используется и в Восточной Европе. Когда во многих странах Восточной Европы убеждены, что у них чего-то нет, потому что русские все у них забрали. А сколько у нас людей говорит, что у нас чего-то нет, потому что мы это туда отдали, в Восточную Европу. И я как-то шутил, что на станции Чоп, наверное, сосредоточились все шлоны — оттуда сюда, а отсюда туда, где все и стоит... А на самом деле дело в другом, в том, что мы не умеем. Второе — это чистый национальный фактор. Здесь можно сказать, что Горбачев очень честен и он очень многое делает для того, чтобы национальный вопрос решался справедливо. Для изучения национальных языков, для того, чтобы национальная жизнь в республиках велась полноценно, и т. д. Здесь он много делает, и летом 1989 г. будет, очевидно, Пленум ЦК КПСС, который обсудит национальные вопросы. Все это хорошо. А национализмы эти, скажем так, все разные. И у нас иногда путают национализм с провинциализмом. Патриотизм и провинциальное желание выжить в уголке. И я прекрасно понимаю, что не является национализмом то, когда мне некоторые киргизские писатели говорили о том, какой у них такой-сякой Чепгиз Айтматов, а белорусские писатели некоторые или деятели не любят Василя Быкова. Им не хочется этого уровня, и они рады отдать этот уровень, объявляя уровень собственной неграмотности уровнем национального развития. Мне кажется, что многие такие вещи, к сожалению, существуют. То, что происходит на Украине сегодня, многослойно. С одной стороны, это справедливое требование признать и поднять выше роль национальной культуры, национального языка, воздать должное тем деятелям национальной культуры, которых запрещали и замалчивали в течение лет. Все это крайне необходимо. К этому примешивается желание некоторых людей объяснить то, что их не читают, происками русских шовинистов и т. д. Это обычная история, которая существует во всех республиках. Я могу сказать только одно: национальные движения сегодня разнообразны. И если на Украине они происходят на этом уровне, то в Эстонии, например, происходит движение чрезвычайно интересное, где речь идет о региональном хозяйстве,

то, чисто экономических выкладках, о другом уровне мышления. Что касается общества „Память”, то оно меня беспокоит, кроме своей провокационности, тем, что оно впрямую вредит Горбачеву и демократизации. Потому что Горбачеву сегодня можно повредить прежде всего тем, что показывать, что вот демократический процесс — это битые окна в райисполкомах, это разгромы на улицах, это демонстрации и скандалы. То, что делает общество „Память” — это откровенное провоцирование властей на контрмеры. Это откровенное показывание того, что вот мы вас побьем. Вот эти письма подбрасываемые, вот эти угрозы, расправы. Вот это мне кажется неприятным, потому что много охочих сказать, что демократизация — это процесс, ведущий к страшным всяким заварухам, нам нужна сильная рука и нужно, так сказать, этот народ держать за морду. Вот это, что чрезвычайно опасно. Горбачев категорически всякий раз возражает тем, кто пытается навязать ему эту точку зрения. Но вот такие вот демонстрации, как демонстрации шовинистов в Ленинграде или в Москве, или где-то в Сибири, такие вещи, как межнациональные столкновения в Закавказье, они провоцируют противников Горбачева на разговоры о том, что вот, смотрите... Они пытаются объявить все это результатом перестройки, они пытаются объявить все это результатом демократизации. И открыто требуют подавления этого. А заодно они хотели бы подавить вообще всякие попытки высказывать свое мнение. Поэтому я продолжаю считать, что национальное движение в СССР необходимо, оно бесспорно, но надо очень четко понимать, что страна, где никогда не было никаких движений, страна, где никогда не было никаких дискуссий, практически, сегодня многие эти движения могут проявляться в патологической форме. И проявляться в форме, вызванной низкой политической культурой. Если первые же собрания начинаются с мордобоев, куда приходят те и другие и не умеют друг другу доказать истину, и хватают друг друга за грудки, то мне кажется, конечно, надо вспомнить о том, как западники и славянофилы разговаривали, уважая друг друга, спорили, но при этом оставались людьми и джентльменами. Это очень важно. И к этому уровню дискуссии необходимо возвращаться, все дальше уходя от инсинуаций.

Об отношении властей к „Памяти“

Я не могу сказать о прямой поддержке властей, но могу сказать о большей терпимости. Но возьмем даже газету „Правда“, которая, стоит задеть там журнал „Молодая гвардия“, тут же бросается в его защиту. И хоть истопчи ты ногами тот же „Огонек“ или кого-то, никогда об этом ни слова не будет сказано. Я могу сказать, что существует некая легенда о том, что, ну, „Память“, ну, милые хорошие люди, ну хотят они консервировать там памятники, восстанавливать там памятники, ну собрались там, ну пошумели. А меня в этом интересует не „собрались и пошумели“, а беспокоит то, что они, как это бывало в Ленинграде, могут выводить на улицу многие сотни людей, а для этого, особенно в условиях Советского Союза, необходима инфраструктура, достаточно развитая, и необходимы люди, которые им напишут лозунги и придумают теорию. Ну, такой политический клоун, как был у них там, Васильев, это скорее такая подсадная утка, вызывающая раздражение, а за его спиной стоят какие-то мальчишки с кистенями, и это очень опасно. Поэтому мне здесь хочется подчеркнуть одно: страна, в которой уже долгие годы не знают, что такое открытая политическая борьба (мы с вами уже вспоминали о запрещении фракций), и так же долго не выдвигались различные политические программы, страна эта рождает иногда движение в каком-то извращенном, уродливом виде. И с этим можно было бы согласиться. Можно было бы согласиться, что это некий этап демократического развития, который надо пройти, это просто следствие низкой политической культуры. Но когда я вижу, как та же „Память“ инспирируется, подталкивается, меня это очень беспокоит. Что касается Демократического Союза, меня здесь беспокоит другое. Это некоторая их замкнутость, некоторая их непричастность ко многому происходящему в стране. Я, например, однажды только видел журнал (я говорю не только о Демократическом Союзе), я однажды только видел журнал „Гласность“ Григорьянца. Мне его показал корреспондент газеты „Нью-Йорк Таймс“ в Москве. Мне никогда не было сделано даже попытки его прислать. Я спрашивал и у многих редакторов, слушая и читая о подобных изданиях, которые я не видел. А милиция знает. Мы печатаем много статей об уголовном розыс-

ке, и я однажды спросил уже у милиционера, „что же это вы так усердствуете, разгоняя всяких несогласных? Интересно было бы послушать“. Я бы не пошел туда, потому что сразу бы сказали, что я организовал этот митинг на Пушкинской площади, но я бы попросил своих сотрудников послушать. Мне интересно, что происходит. А в милиции говорят: „ну, что, если вам интересно, спросите у нас, мы вам скажем, где эти митинги происходят“. Я же думаю, что те, кто их организуют, могли бы сами информировать об этом. Короче говоря, мне кажется, в стране многие движения находятся в самом зачатке. Я, например, о многих неформальных движениях просто не информирован достаточно, или я информирован тенденциозно. Я не обладаю полноценной информацией о целом ряде неформальных объединений. Кто-то из моих сотрудников что-то слышал. Все это, мне кажется, плохо. Мне думается, сегодня мы должны как можно более полноценно информировать обо всем многообразии того, что происходит. И при этом политические кликуши любого толка будут подавлены. Они будут подавлены именно своей несостоятельностью... Вот пример, который приходит мне в голову. Несколько лет назад в стране практически была запрещена рок-музыка. И рок-музыканты выпускали свою продукцию на пленках, записанных где-то в подвалах, дворничьих. Мир советский был наводнен этими пленками. Затем это было разрешено, и это чрезвычайно повысило уровень рок-музыки. Когда она стала легальной, все спекулянты отпали, все жулье музыкальное, занимающееся бог знает чем, отпало, и стало сразу все это куда нормальнее. Мне кажется, если мы сможем какие-то дискуссии проводить бесстрашно и выслушивать противников и союзников, очень многое можно будет выяснить совершенно безболезненно. Понимаете, у нашей бюрократии апокалиптическое мировоззрение. Она считает, что социализм может рухнуть от чего угодно, что советская власть просто рухнет от издания романа „Доктор Живаго“, от того, что на улицу выйдут три человека с плакатом там с каким-нибудь неприятным... Это все ерунда. Вот пусть эти три человека выйдут. Давайте, пусть выйдут другие три человека, и пусть они поспорят. Пусть мы это даже запишем на пленку и сделаем этот спор более широким. Тогда будет лучше. Тогда будет понятнее.

И меня очень беспокоит то, что когда вот „Память”, допустим, там устраивала тарарам на этом собрании, я ведь сказал: „Давайте, я выйду на сцену. Давайте, я сяду, пусть выйдет кто-то — оппонент, и давайте поспорим”. „Масон, масон, масон” — все, весь спор. Улюлюканье, крик, палка из рукава показанная — этот уровень демократического процесса ужасен. Поэтому давайте думать о том, что если кому-то „Память” или другие шовинистические организации нужны, то что этот человек может получить? Он может получить спровоцированное национальное движение в республиках — у нас только художественная литература на 80 языках выходит, будь здоров, какой протест подымется, и одно такое заявление, сделанное на пленуме русского Союза писателей о необходимости резерваций, оскорбляет огромное количество людей, и то, что кто-то может ляпать то, что сплюна на язык принесет, неравноценно с тем, что позволено другим. Будь добр, отвечай за свои слова, если ты это сказал. Я думаю, что такая дискуссия была бы поучительной. Поэтому, повторяю, нельзя загонять болезнь вовнутрь. В нашей истории мы уже поняли, чем это чревато. Сегодня мы являемся свидетелями того, как появляются первые приметы движущихся процессов. Давайте подумаем о том, что они должны проходить в условиях гласности. Если мы этого добьемся, мы добьемся очень многого.

О возможности демократических национальных движений и опыте стран Восточной Европы

Мне не хочется, чтобы мышление у нас было чисто директивным. Вот сейчас будет избран общесоветский парламент, затем, осенью, очевидно, пройдут выборы Верховных советов республик и местных властей. Вот это тот уровень, на котором можно обсуждать любые вопросы. Любые вопросы можно обсудить и на пленуме, который будет проходить летом в Москве по национальному вопросу. Вот тут-то и можно и нужно говорить на все темы. Нельзя, как это бывало в нашем недавнем прошлом, загонять самые острые дискуссии в коридор. И вот когда мы сейчас вот так вот будем проводить эти дискуссии, я

не хочу предсказывать подробности нашего развития. Югославская история достаточно красноречива. Я не хочу сейчас комментировать югославские, румынские и другие дела, но я думаю, что любому человеку понятно, что идеального решения Югославия не нашла. И я помню, как я ехал по Югославии в поезде, и переезжая из республики в республику, я слышал, как в поезде объявляли остановки на другом языке. И люди друг друга переспрашивали, где же они все-таки сейчас едут. Поэтому здесь есть вещи, которые необходимо не доводить до абсурда. И то, что в Советском Союзе русский язык выполняет крайне необходимую функцию всесоюзного эсперанто, ничего плохого в этом нет. Просто это не должно унижать и ущемлять права других наций. И если в Латвии приняли решение о том, что лица, поступающие в Рижский университет, должны сдавать экзамены по латышскому языку, это их право, и это нормально, и на здоровье. И это то, что можно делать. Или если латыши сегодня поднимают вопрос о том, что в латышских портах чрезвычайно высокое загрязнение среды и необходимо что-то с этим делать, и поднимают это на уровне национального парламента, это прекрасно. И то, что в Латвии сейчас избрали президентом человека по фамилии Горбунов (я с ним разговаривал, это удивительно популярный деятель), и в Риге проходят демонстрации под лозунгами „защитим нашего президента!”, „поможем нашему президенту!”, вот и пример национальной широты и сохранения национального достоинства.

О Катвии, и письме польских интеллектуалов по этому поводу

Я письмо польских интеллектуалов не получил. Это трудно объяснить. Я какую-то часть писем получаю, какую-то нет. Я не могу сказать, что в этом есть какой-то злой умысел, потому что в редакцию приходит где-то 400 писем каждый день. Большинство их адресуют на мое имя. Иногда мне приходят письма нелепейшие, вплоть до каких-то заграничных союзов, там, Михаила Архангела, посылающих мне призывы покончить вообще с этим подлым племенем в Советском Союзе, или приходят очень крутые националистические призывы от разных предста-

вителей разных народов, приходят довольно-таки серьезные антисоветские издания. Я думаю, что тенденцию в таких делах проследить очень трудно. Я бы хотел, чтобы вокруг меня были вещи, которые я могу прогнозировать, потому что здесь ничего не понятно. То придет журнал „Вече”, с какой-нибудь шовнистической черносотенной статьей, а то вот не придет письмо какое-нибудь там из Польши. Трудно мне сказать, какая здесь система, но, думаю, никакой. Но это письмо было бы интересно получить, тем более, что в нашем разговоре с Анджеем Вайдой он поднял этот вопрос, и мы с ним говорили об этом. Он очень интересно говорил о том, что обсуждение этого вопроса усилило бы дружеские связи между нашими народами, а не разрушило их. А у нас кое-кто пытается сказать, вот, мы заговорим, мы тронем... А хуже, если это муссируется в коридорах. После визита Горбачева в Польшу, очень своевременно возник разговор о том, что необходимо создать смешанную советско-польскую комиссию для обсуждения спорных, сложных вопросов в отношении наших стран. Делегация Союза кинематографистов СССР, например, ездила в Польшу, и у них хватило изобретательности для того, чтобы взять с собой документальный фильм 20-х годов о советско-польских очень сильных в то время столкновениях военных, которые проходили, и показать их в Варшаве. И это вызвало огромный интерес и развязало тоже многие узлы, потому что разговор шел в открытую. Сегодня это крайне необходимо. Поэтому, что касается Катыни, то это вопрос сложнейший, вопрос давний, но его надо решать на основании документов. На этом вопросе в свое время пытались спекулировать немцы во время оккупации; этот вопрос подымали поляки, этот вопрос по-разному освещали советские историки. Очевидно, необходимо положить на стол документы и протоколы, и поговорить о том, что же это такое. Потому что вопрос не снимется, иногда он будет даже вызывать нелепые ситуации. Под Минском есть одно из самых трагических мест Советского Союза — деревня, сожженная фашистами, Хатынь. И я помню, как один раз делегация американских сторонников мира приехала туда и убежденная, что это и есть та самая Катынь, о которой они столько слышали, учинили ужасную путаницу, от которой никому легче не стало.

О письме чехословацких деятелей культуры*

Я бы обязательно использовал это послание, если бы я его получил. Мне хочется одного, чтобы сложные вопросы обсуждались на достаточно серьезном уровне. Возвращаясь к опыту Праги: несколько месяцев назад в Барселоне вместе со Зденеком Млинаржем, достаточно известным участником этих событий, мы на телевидении провели очень хороший разговор, в течение которого он говорил интересно и глубоко. Я даже взял себе на память кассету с записью этого разговора, если кто-то будет говорить, что вот, такой-сякой Млинарж, вот он такой злодей... Он говорил намного терпимее, мягче, чем это говорят иные мои соотечественники. Он с таким пониманием относился ко многим проблемам нашего социалистического развития... Я в данном случае говорю не только о Млинарже. Я нарочно это подчеркиваю... Я хочу сказать, что кое-кому выгодно создавать миф о зловещем племени диссидентов, которые сидят по углам, точат зубы и хотят вот напасть и всех нас сгрызть. Большинство людей, которые объединялись под таким очень размытым понятием „диссидент”, многие из них исходили из желания разобраться и сделать что-то получше. Я не хочу сейчас называть имен, но в то же самое время я хочу подчеркнуть, что раздувание преступной сущности инакомыслия, преувеличение зловещей сущности несогласия со многими существующими догмами (а это несогласие выражалось часто довольно-таки терпимо), идет не всегда от желания укрепить социализм в Советском Союзе. Идет это от желания стукнуть кулаком, сказать „сидите тихо и делайте, что вам говорится”. А если мы боремся за демократизацию, то процессы надо изучать и возглавлять, а не замалчивать. Не надо больше уже подметать под ковер. Не надо больше делать того, что мы делали. Мне, например, очень понравилось, что академик Сахаров вот взял и поехал в Азербайджан и Армению. Многого понял, многое увидел. Мне очень нравится, что сегодня мы действительно обсуждаем многие вопросы в открытую. И это самые страшные удары по нашим отечествен-

* См. стр. 194-199 этого номера „Проблем Восточной Европы”. — Ред.

ным догматикам и бюрократам. Когда то, что они объявляли основой падения советской власти, оказывается ничего страшного, и советская власть выдерживает, и все получается в порядке. Для них это такие ножи острые. Поговорили, разошлись, в головах прояснилось немножко, и ничего не рухнуло, а стали крепче, наоборот. Для них это, конечно, ужасно. Давайте спорить. Я готов принять участие в любой дискуссии. И когда, например, в той же Барселоне встречались мы и сидели рядом и разговаривали Синявские, Чалидзе, Млинарж... разные совершенно люди... Это были интересные разговоры. И перед этим, в Копенгагене, когда те же люди были там — Бакланов, Искандер... Это все очень хорошо, это необходимо. И когда мне рассказывают, что какая-то девица сохранила невинность на необитаемом острове, у меня нет никаких оснований считать ее высокоморальной.

О диссидентском характере нынешнего советского руководства

Этот тезис кажется мне несколько опасным, и вот почему. Горбачев — не диссидент. Горбачев представитель умной части партийного аппарата. Не случайно его выдвинул самый опытный аппаратчик — Громыко. „Диссиденты — не диссиденты“. Я помню такие споры были обычными после франкизма в Испании: кто больше сделал для демократии — эмигранты, те, кто был в Испании, или кто-то еще? Давайте заниматься делом, в результате которого все выяснится. Потому что, еще ничего не достигнув, уже начинают делить пироги и пышки, которых, собственно, нет. „Ах, мы диссиденты, ах, мы...“ Да, кто-то страдал, кто-то мучался, кто-то что-то делал для демократии, а Горбачев был вообще секретарем крайкома, а в результате возглавил процесс и оказался самым либеральным из руководителей. Давайте сегодня не заниматься этим районным ипподромом и говорить — это первый рысак в области... Давайте просто делать дело, а классифицировать нас будут, ну, самое раннее, наши внуки. По-моему, это их дело, а не наше.

Радио „Свобода“ не обязано быть дружелюбным по отношению к Советскому Союзу. Но Советский Союз не должен считать себя обязанным выслушивать лишь дружеские мнения о себе. Поэтому мне думается, что „Свобода“ осталась такой, какой она была, и в этом отношении даже сейчас, мне кажется, и в самом названии вызывающем, и в некоторых интонациях „Свободы“ осталось многое от периода „холодной войны“, когда родились и сами радиостанции („Свобода“ и „Свободная Европа“. — Ред.) и запрет на них. Мне думается, что сегодня, конечно же, запрещать и глушить радиостанции бессмысленно, нелепо и не нужно. У радио „Свобода“ тоже есть некоторый такой комплекс обиженности — вот вы нас глушите, вот мы вам скажем такое... прокричим сквозь все заглушки... Сейчас надо понемножку переходить к более нормальному тону, уже не обязательно орать друг на друга. Необходимо говорить обоснованно... Если наврем, надо говорить: „ребята, врете!“ и доказывать это. Если говорим правду, задумываться над этой правдой, и пытаться сделать все, чтобы это было по-человечески дальше. И если говорить сегодня о табу на ту или другую радиостанцию, то это бессмысленно. Потому что все равно это вызывает только интерес. Более того, если советская информация внутри страны будет интересной и правдивой все более, все меньше будут слушать разного рода голоса, или эти голоса впишутся в нормальный демократический процесс, в плюрализм мнений. Мне хочется только одного, чтобы „Свободой“ направляло ощущение того, что все мы — человечество, и всем нам жить на одном свете, и чтобы сталинская теория того, что вокруг враги и нам надо всех передавить для того, чтобы быть счастливыми, не руководила деятельностью ни тех, кто сегодня определяют политику моей страны, ни тех, кто пытается против этой политики воевать. Надо все больше задумываться, как жить на одном свете, и все больше искать аргументы для того, чтобы лучше понять друг друга. Чем скорее мы это сделаем, тем лучше, тем полнее и спокойнее мы будем жить. Мы устали от ненависти. Наверное, надо уж как-то подумать и о том, что хватит.